

АРМЯНСКАЯ МОЗАИКА IV—VII ВВ.

Б. Н. АРАКЕЛЯН

Член-корреспондент АН Арм. ССР

В художественном наследии армянского народа особенно выделяются три области творчества—архитектура, скульптура, точнее художественная резьба по камню, и книжная живопись. Памятники указанных областей поражают не только весьма большим количеством, но и богатством форм, творческих исканий, находчивостью, художественной выразительностью. Естественно, что именно к ним было приковано внимание исследователей. Другие виды армянского искусства прошлых времен—такие как стенная роспись или фрески, прикладное искусство, а также мозаичная живопись,—остаются малоизученными.

Настоящее сообщение имеет целью дать основную характеристику памятников армянской мозаичной живописи раннефеодальной эпохи и тем самым частично восполнить имеющийся пробел в их изучении. Выполняя эту задачу, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о взаимосвязи между памятниками армянской и византийской мозаичной живописи.

Хорошо известно, что мозаичная живопись имела широкое распространение и достигла высокого развития в античном мире, приобретая исключительное разнообразие как по сюжету и содержанию, так и по композиционным особенностям, по форме и цветовой гамме. Мозаичная живопись в III, особенно в IV вв. н. э., приходит в упадок и вновь переживает свой расцвет в византийском искусстве V—VII вв.

Что касается Армении, то первые памятники мозаичной живописи прошлых веков стали выявляться примерно сто лет тому назад и относились к раннефеодальному периоду. Но имели ли они за собой местные традиции, уходившие глубже—в древнюю или античную эпоху истории Армении? Этот вопрос долгое время оставался открытым, пока во время раскопок в древнеармянской крепости Гарни не был обнаружен мозаичный пол бани. Это полихромная мозаика второй половины III в. н. э. с довольно богатым сюжетом, взятым из греческой мифологии и композиционным сочетанием, обозначающим оцены зарождения жизни в море, любви, бракосочетания и продолжения потомства. Некоторые особенности гарнийской мозаики—появление графичности рисунка, нарушение пропорций фигур, сочетание техники *opus tessellatum* с крупными прямоугольными кубиками (камешками) с техникой *opus vermiculatum* с мелким по форме разнообразными кубиками и прочее—сви-

детельствуют, что этот пока единственный мозаичный пол—не первый образец античной мозаичной живописи Армении, а скорее гораздо более поздний ее памятник, носящий уже отпечаток упадка античного искусства.

Следующие шаги развития мозаичной живописи в Армении относятся уже к раннефеодальному периоду. Хронологически первым памятником этого времени является мозаичный пол, открытый в базиличной церкви IV—V вв. в Двине при раскопках 1951 г. Мозаика выложена из довольно крупных камешков (до одного кв. см). прямоугольной формы. Она полихромна, хотя гамма красок не отличается ни богатством, ни яркостью. Тонкими переходами полутонов выведены разнообразность меандра и другие геометрические фигуры, которые сохранились лишь местами, так как при последующих переделках храма, к сожалению, были залиты толстым слоем известкового раствора¹. Работа не отличается тонкостью, узор заметно шероховат; по технике выполнения, а также по художественным и стилистическим особенностям, приближается к малоазиатско-сирийским образцам мозаичной живописи IV—V вв., отражая культурные связи Армении с указанными странами.

На стене восточной абсиды двинского кафедрального собора еще в начале нашего века была обнаружена фигура богородицы. К сожалению, она до нас не дошла, и мы располагаем плохой фотографией, где запечатлена лишь сохранившаяся тогда незначительная ее часть².

Можно полагать, что фигура богородицы относится к более позднему времени, вероятно к VI—VII вв.

О том, что стены двинского кафедрального собора были украшены мозаикой, свидетельствуют также находки в земляном слое внутри храма и возле него мозаичных мелких кубиков из разноцветной смальты, в том числе и покрытых позолотой.

Тысячи кубиков от мозаик, в частности сделанных из разноцветной смальты, были обнаружены в земляном слое под полом Эчмиадзинского собора при его очистке и изучении архитектором А. А. Саиняном в связи с частичной реставрацией храма в 1956 г. К сожалению, никаких деталей и фрагментов от мозаик не сохранилось и о них можно судить только по найденным кубикам. Мелкие кубики, полихромная смальта с ясными красками и их полутонами показывают, что стены храма были украшены красочными мозаиками.

Следы мозаик — яркие разноцветные кубики смальты, в том числе и покрытые позолотой, найдены также при раскопках знаменитого храма Звартноц в 1904—1905 гг. Здесь сохранились и фрагменты мозаик, но без узоров. Приходится только сожалеть, что мы не можем иметь представления об искусстве мозаичной живописи Звартноца — этого

¹ К. Кафарян, Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952, стр. 97.

² Снимок не сохранившейся двинской мозаики обнаружил в Гос. историческом архиве Арм. ССР и любезно передал нам ст. научный сотрудник Института археологии и этнографии Г. О. Караханян.

шедевра армянской архитектуры раннефеодального периода и подлинного музея художественной резьбы.

Наши представления о мозаичной живописи раннесредневековой Армении оказались бы совершенно незначительными, если бы не сохранились армянские мозаики в Иерусалиме. По сведениям письменных источников, в «Святом городе» в V—VII вв. было множество армянских церквей и обителей с их мартириями и гробницами. Судя по обнаруженным в армянских сооружениях Иерусалима образцам, мозаичная живопись нашла широкое применение.

Первые памятники армянских мозаик в Иерусалиме были обнаружены в 1868—1872 гг. при строительстве на Элеонской горе русского приюта. Они снабжены армянскими надписями, и их принадлежность к армянским памятникам никто из издателей не оспаривает. Сперва был открыт истинно великолепный памятник армянской мозаичной живописи, выложенный на полу, видимо, церкви-усыпальницы. Под полом, в подземной обширной гробнице, сохранились восемь каменных саркофагов. От этой большой мозаики уцелела только часть (примерно одна четверть) размером 6,7×4 м. Она полихромная, фигуры выведены красными, желтыми, черноватыми или темно-коричневыми камешками на светлом фоне.

Мозаика обрамлена двумя широкими рамками. Край наружной рамы украшен точками, расположенными в виде крестиков, а по продольной оси проходит ряд квадратиков из темных камешков. Внутренняя рама покрыта плетеным орнаментом, по обоим краям которого идут сплошные линии крючковидных фигур. Поле мозаики разбито на круглые и овальные медальоны, между которыми образуются неправильной формы рамы. В медальонах и рамах помещены фигуры животных, птиц и рыб (сохранились фигуры ягненка, петуха, утки и трех рыб), фрукты (гроздь винограда и лимоны), а также стилизованные растительные и геометрические орнаменты (в люнетах). Мозаика выполнена весьма мастерски, гамма красок, хотя и ограниченная, отличается умелым сочетанием, мягкими переходами полутонов, игрой света и тени; фигуры не лишены известной динамичности. Вся композиция исполнена в живописной манере из достаточно густого цвета камешков с преобладанием светлого фона и узоров. На нижней части обрамления мозаики помещена армянская надпись (в одну строку длиной 2,96 м), гласящая: ԱՅՍ ԴԻՐ ԵՐԱՆԵՐՈՅ ՇՈՒՇԱՆԿԱՆ ՄԱԻՐ ԱՐՏԱԿԱՆԱՅ, ՀՈՐԻ ԺԸ («Это покой блаженной Шушаник, матери Артавана, 18-го хори» (месяца)⁴).

³ Указанная мозаика ныне находится на полу Малого зала русского приюта.

⁴ Мозаика с усыпальницы Шушаник, как и другие армянские мозаики, обнаруженные рядом с ней, неоднократно были опубликованы, однако в порядке информации, носящей в основном описательный характер. См. «Սիոն», № 10, հոկտեմբեր 1872, էջ 237—238, «Արարատ», 1872, էջ 493—494, «Արարատ», 1878, էջ 195; Dr. R. Riess, Reste eines alten armenischen Kloster auf dem Ölberge und die deselbest aufgefundenen Inschriften (Zeitschrift des Deutschen Palästina — Vereins; Bd. VIII, Leipzig, 1885, S. 155—161); H. G u t h e, Mosaiken mit armenischer Inschrift auf dem Ölberge (Mitteilungen und Nachrichten des Deutschen Palästina — Vereins; Leipzig, 1895, S. 51—53);

Усыпальница с великолепной мозаикой, разумеется, принадлежала определенному княжескому роду, а Артаван был популярной личностью, иначе его имя не упоминалось бы рядом с именем матери.

Имя Артаван, известное в армянской ономастике V—VII вв., носили, в основном, отпрыски армянских Аршакидов, отличавшиеся своей военно-политической деятельностью в Византии.

По сообщениям Прокопия Кесарийского⁵, особенно выделялся полководец Артаван, сын Иоанна Аршакуни, возглавивший имперские войска в Африке при Юстиниане I. С ним совершенно справедливо и отождествляет арменист И. Ташян⁶ Артавана, упомянутого в мозаичной надписи, который, очевидно, и является строителем усыпальницы своей матери Шушаник.

Вторая мозаика обнаружена недалеко от первой и находится на полу помещения в северной части зала русского приюта. Узор очень простой и состоит из звездочек темного цвета и квадратных рам, в центре которых помещено по одной звездочке.

Узор третьей мозаики прост, как у второй, и состоит из мелких звездочек, расставленных на небольшом поле (1,19×0,49 м) мозаики. В верхней части в небольшой рамке помещена надпись: ՎԱՍՆ ԱՂԱԻԹԻՅ ԵՒ ՓՐԿՈՒԹԵԱՆ ԹԵՒԱՅ, ԱՐԱՍՈՒ ԵՒ ՄՈՒՐԿԱՆ («Во имя молитвы и спасения (души) Тева, Абаса и Мурика»). Надпись сделана из темных камешков, а линии, разделяющие строки, — из красных.

Четвертая мозаика, также небольших размеров (1×0,72), открыта на той же территории, на полу сводчатой гробницы, построенной в гроте. Обрамлена она красочной плетеной рамкой. Нижняя часть ее покрыта геометрическим узором в виде небольших квадратных рам, каждая из которых имеет в середине по одной звездочке, а наверху помещена надпись в семь строк о том, что этот памятник построен Валаном:

ԱՐԲԵԱՒՍ ՈՒՆԵԼՈՎ
ԱՌ ԱՇ ԶՍՈՒՐԲ Է
ՍԱՅԻ ԵՒ ԶԵՐԱՆԵԼԻ
ՀԱՐԱՍ ԵՍ ՎԱՂԱՆ Ա
ՐԱՐԻ ՎԱՍՆ ԹՈՂՈՒ
ԹԵԱՆ ՄԵՂԱՅ՝ ԶՅԻ
ՇԱՏԱԿԱՐԱՆՍ ԶԱՅՍ

Пятая мозаика была открыта гораздо позже — в конце 1892 г. или в начале 1893 г., недалеко от вышеописанных, на полу небольшого мартырия. Она образует прямоугольник значительных размеров (3,5×3,2 м),

Clermont Ganneau, Archaeological Researches in Palestine during the years 1873—1872, vol. I, London, 1899, p. 329—337. Н. П. Кондаков, Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, СПб, 1904, стр. 257; табл. XI—XII.

⁵ Procop. De bello pers. II, 3; De bello vandal. II, 2, 4—8; De bello got. II, 31—32, III, 39, IV, 24 и др.

⁶ I. Daschian—Anhang к статье И. Стржиговского; см. Zeitschrift des Deutschen Palästina Voreins, Band XXIV, 1901, s. 169.

⁷ Написанно ՄԵՂԱՅ вместо ՄԵՂԱՅ.

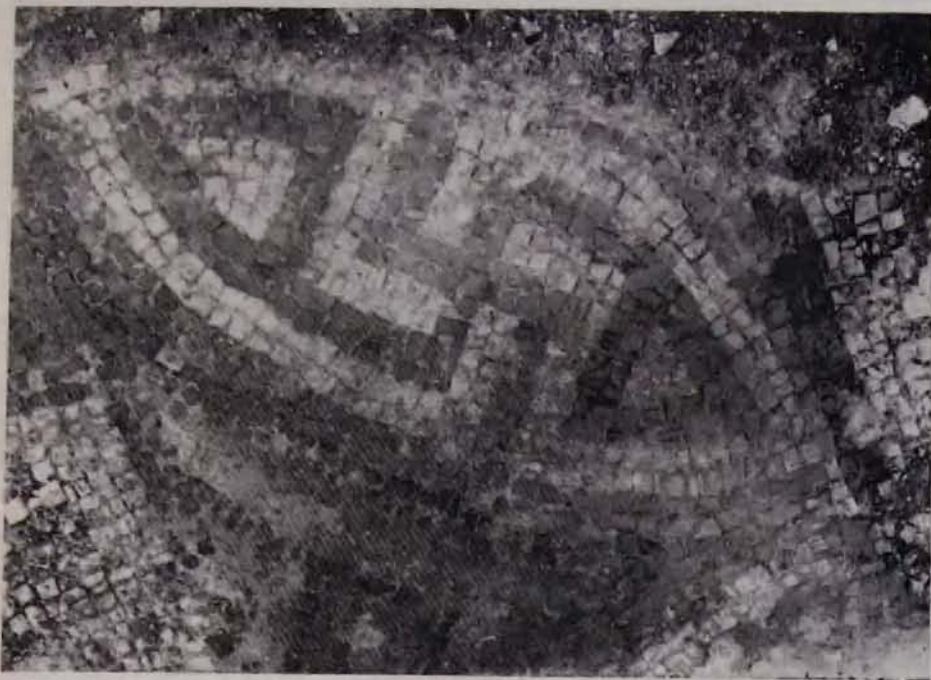

Рис. 1. Фрагмент мозаики IV—V вв. базиличной церкви в Двине

Рис. 2. Мозаика усыпальницы Шушаник

Рис. 4а. Верхняя часть мозаики, обнаруженной у Дамаскских ворот в Иерусалиме

Рис. 4б. Нижняя часть мозаики, обнаруженной у Дамаскских ворот в Иерусалиме

взятыи в красочную плетеную раму. Ее поле разбито на квадраты и круглые медальоны, чередующиеся друг с другом и образующие пять рядов по горизонтали и семь по вертикали. В средних двух рамках центрального горизонтального ряда помещены фигурки двух животных, в 24 рамках—по одной птице, а в остальных—дерево и плоды.

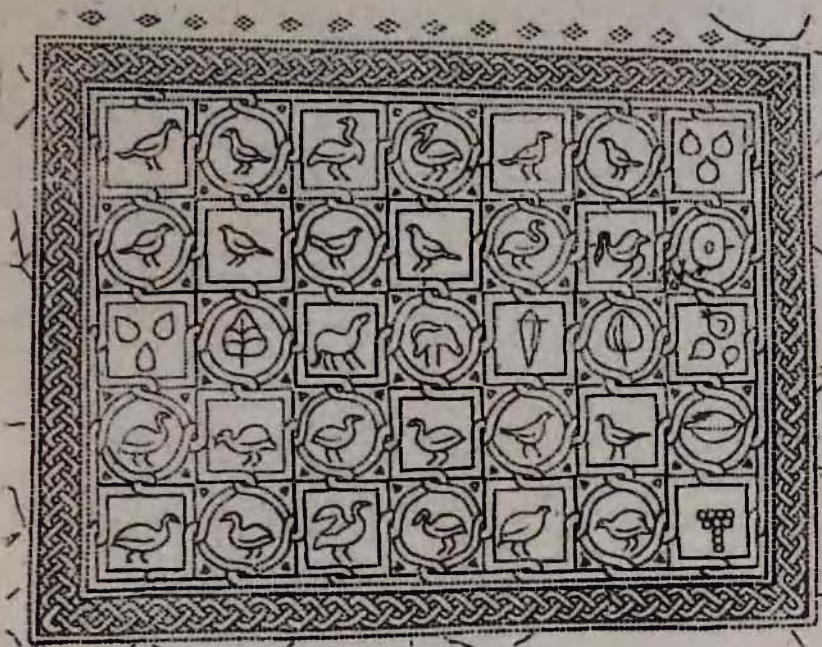

Рис. 3. Пятая армянская мозаика в Иерусалиме.

Хотя мозаика полихромная, но камешки вялой расцветки, и в ней преобладает графическая манера исполнения. Фигуры животных и птиц не отличаются динамичностью и живостью. По стилю она сближается с сиро-палестинскими образцами мозаики VI в. Аналогичная композиция с графическим исполнением встречается также среди мозаик церкви св. Севера в Равенне⁸.

К нашей мозаике примыкают еще две (по порядку шестая и седьмая) небольших размеров мозаики. Одна из них имеет чисто геометрические формы и состоит из квадратов с такими же квадратиками из точек посредине. Надпись в нижней части гласит: *ԱՅՍ ԶԻՇԱՍԱԿԱՐԱՆ ՏՐ ԶԱՇՈՐԱՅ ՈՐ ԵԶԵՐ Ի ԶԵՐԵՆ ԽԵՂԵՐԵԼՈՅ* («Это памятник владыки Якова, что построен благодаря доброжелателям (букв. просителям)»).

Другая мозаика обрамлена зубчатой рамой, а поле ее состоит из четырехлепестковых розеток, искусным сочетанием которых образованы кружки и трапеции в них, с пятью крестообразно расположенными точками в их середине⁹.

⁸ Corrado Ricci, Ravenna, Bergamo, 1902, стр. 50.

⁹ О мозаиках, открытых в 1892—1893 гг., см. Clermont Ganneau, ук. соч., стр. 135; H. Guthe, ук. соч., стр. 51—53; см. также „Zeitschrift des Deutschen Palästina Vereins, Bd. XXXII, S. 125.

Наконец, восьмая армянская мозаика в Иерусалиме была обнаружена в 1894 г. у так называемых Дамаскожих ворот, где, вполне возможно, что находилась церковь Полиевкта. Несмотря на большие размеры (7,15×4,40), она великолепно сохранилась и представляет собой вытянутой формы прямоугольник, обрамленный плетеной рамой (шириной 26 см) и бордюром без орнаментов. На нижней части мозаики изображен изящный сосуд в виде амфоры с каннелированной нижней частью и двумя стилизованными ручками¹⁰. Сосуд поставлен на аканфовых листьях, и с обеих его сторон стоят павлины. Из узкого горла сосуда выступает виноградная лоза, которая, разветвляясь, покрывает все поле мозаики, образуя 43 кружка, симметрично расположенных в пяти вертикальных рядах. В этой бесхитростной композиции особенно подчеркнут средний ряд, внизу которого находится вышеуказанный роскошный сосуд и над ним в кружках последовательно—корзина с фруктами, орел с раскрытыми крыльями, клетка с птицей (попугаем), еще одна корзина, наполненная виноградом и на самом верхнем кружочке—два голубя, стоящих на веточке друг против друга. Во всех кружочках остальных четырех рядов помещено по птице самых разнообразных видов (сорока, куропатка, утка, гусь, индейка, курица, петух, цесарка, журавль, цапля, аист, лебедь, фламинго, страус и др.). Все фигуры изображены в сочетании с виноградными листьями и гроздьями, которыми усеяно все поле мозаики.

Мотив виноградной лозы, выходящей из амфоровидного сосуда и образующей кружки и медальоны с птицами и другими фигурами в них или без фигур, в V—VII вв. имел широкое распространение в византийском искусстве, в частности в мозаичной живописи, и в различных вариантах встречается как в восточных (Сирия-Палестина), так и в западных (Балканы и Италия) провинциях империи¹¹.

Цветовая гамма нашей мозаики небогата: розово-красный, желтый, светло-голубой и черный или темно-коричневый цвета,—однако их искусное сочетание на золотисто-желтом фоне придает фигурам и всей мозаике яркость, живописность и выразительность.

К верхнему краю мозаики примыкает люнет, в середине которого изображена полная фруктами ваза, с обеих сторон которой геральдически стоят птицы¹². Под люнетом на широком бордюре мо-

¹⁰ Близкую аналогию к нашему сосуду с виноградной лозой см. *Gerasa, City of the Decapolis...* New Hawen, 1938, p. 224, plate LXVIIa.

¹¹ *Mission de Phénicie dirigée par M. Ernest Renan. Planches exécutées sous la direction de M. Thobois, Paris, MDCCCLXXIV, Pl. XLIX*; *Gerasa, City of the Decapolis, New Hawen, 1938, pp. 302—303, 305, pl. LXXII d*; А. А. Павловский и Н. К. Клуге, Мадеба, см. Изв. Русского археологического института в Константинополе, VIII, София, 1903, табл. VI—VII; Д. В. Айналов, Мозаики IV—V вв., СПб. 1895, стр. 150—151; *Walter Goebl, Ravenna, Leipzig, 1901, S. 66, Abb. 57*; *Corredo Ricci, Ravenna, Bergamo, 1902, p. 50*; *Marguerite van Berchem et Etienne Clouzot, Mosaïques chrétiennes de IVme au Xme siècle, Genève, 1924, стр. 149, рис. 189*; *Otto Demus, Byzantine Mosaic decoration, London, 1947, tabl. 40*.

¹² Аналогичный мотив см. *M. Bachman et E. Clouzot, ук. соч., стр. 103, рис 115*; Е. К. Редлин, Мозаики равенских церквей, СПб, 1896, стр. 128; 131.

Рис. 5а. Деталь той же мозаики

Рис. 5б. Деталь той же мозаики

запки помещена армянская надпись: ՎԱՍՆ ՅԻՇԱՏԱԿԻ ԵՒ ՓՐԿՈՒԹԵԱՆ
ԱՄԵՆԱՅՆ ՀԱՅՈՅ ՀՈՐԻՅ ՀԱՆՈՒԱՆՍ ՏՐ ԳԻՏԷ («На помин и спасение (ду-
ши) всех армян, имена которых господу ведомо»).

Наличие такой надписи вполне уместно, так как мозаика обнаружена на обширной подземной гробнице, в которой были найдены кости погребенных, глиняные светильники, стеклянные флаконы и их фрагменты. Очевидно, это была безымянная братская гробница катакомбно-го типа с надземным памятником, на полу которого находилась мозаика¹³.

Стилизация в виде виноградной лозы, образующей множество кружков-медальонов, в которых помещены птицы, и некоторые особенности последних, сближает нашу мозаику с пятой мозаикой, разбитой на медальоны и квадраты, в которых также помещены птицы. Однако между ними имеется и заметное стилистическое различие. Мозаика с виноградной лозой менее графична, скорее, она сочетает живописное исполнение с графическим, а цвет камешков сравнительно яркий, встречается больше полутонов. Вместе с тем, она все же не лишена известной графичности и от мозаики Шушаник, исполненной в явно живописной манере, отличается также гаммой негустых красок.

Мозаика с виноградной лозой является значительным, но наиболее поздним памятником армянской мозаичной живописи раннесредневековой эпохи и может быть датирована второй половиной VII в.

Армянские мозаики как в самой Армении, так и в Иерусалиме по композиции, мотивам, отчасти и стилистическим особенностям заметно сохраняют черты мозаичной живописи античного периода, но в то же время явно отошли от них, приобретая новые формы и содержание в соответствии с идеологическими и художественными требованиями эпохи. Наряду с древнейшими народными представлениями о природе, выраженными в животных и растительных мотивах и сюжетах, появляются христианские символы, такие как агнец божий, павлины, голуби и пр., а также ряд излюбленных в византийском искусстве декоративно-орнаментальных мотивов. Но главное отличие от античных памятников заключается в способе передачи фигур. Изображения животных и птиц заметно теряют живые реалистические формы, динамичность и постепенно приобретают застывшие формы, порой неестественные позы и стилизованные очертания. Изменения происходят также в технике выполнения мозаик: наряду с кубиками из природных цветных камней применение получает разноцветная смальта и кубики с позолотой, как это имело место в византийском искусстве и в соседней Грузии (в хра-

¹³ G. Howsepian, Mosaik mit armenischer Inschrift in norden Jerusalem (Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins, 1895, XVIII, S. 88—90); R. Hornig, Verzeichnis von Mosaiken aus Mesopotamien, Syrien, Palästina und dem Sinai (в том же „Zeitschrift“-e, XXXII, S. 127—128); Josef Strzygowski, Das neugefundene Orpheus-Mosaik in Jerusalem (в том же „Zeitschrift“-e XXIV, 1901, S. 158; см. также I. Daschian, „Anhang“ (дополнение к статье И. Стржиговского, там же, стр. 165—171).

ме Цроми¹⁴). Это обогатило «палитру» мастеров мозаичной живописи, что придавало изображениям пышность и выразительность в смысле гаммы красок. В Армении целостные изображения из смальты и кубиков с позолотой не сохранились.

Дошедшие до нас памятники армянской мозаичной живописи IV—VII вв. позволяют судить о характере и основных направлениях ее. Выше было отмечено, что в числе армянских мозаик имеются образцы, которые исполнены в живописной манере (мозаика усыпальницы Шушаник), характерной для византийской столицы. Имеются и образцы, которые как бы сочетают живописную манеру исполнения с графической (мозаика с виноградной лозой и птицами), что не характерно для византийских мозаик, преобладают же мозаики с графическим исполнением. Этим они отличаются от столичного направления византийской мозаичной живописи и сближаются с восточным, сиро-палестинским направлением, отличающимся, в основном, именно графичностью исполнения. Известно, что в византийской мозаичной живописи IV—VII вв. широкое распространение получило и это направление, которое развивалось не только на Востоке, но и было перенесено в западные провинции империи. В создании этого направления, разумеется, основную роль играла восточная, сиро-палестинская среда, но имеется основание полагать, что к этому были причастны также мастера-представители других восточных народов, игравших немаловажную роль в военно-политической, экономической и культурной жизни Византийской империи, в том числе и армяне.

В заключение отметим еще одно обстоятельство. Дошедшие до нас памятники показывают, что в самой Армении мозаичная живопись, а также и фрески, широкого распространения не имели. Это отчасти объясняется тем, что армянская церковь, в отличие от византийской, была монофизитической, не питавшей любви к иконам и христианской монументальной живописи. Но вместе с тем, представление об иконоборчестве и иконопочитании в Византии, как мы имели случай отметить¹⁵, было неприемлемым для армянской действительности. Армянская церковь не была ни иконоборческой, ни иконопочитающей в византийском понимании. Противоборство армянской церкви византийской приводило к отказу, даже запрету того, что особенно поддерживалось со стороны византийской церкви, в частности это относится к иконопочитанию. При этом следует отметить, что отрицательное отношение армян к иконам проявлялось обычно тогда, когда страсти разгорались в связи с экспансионистской политикой Византийской империи и ее церкви. В более спокойные времена армянская церковь проявляла довольно

¹⁴ См. Ш. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, Москва, 1950, стр. 122, 126.

¹⁵ Б. Аракелян, Сюжетные рельефы Армении IV—VII веков. Ереван, 1949, стр. 18—19.

терпимое отношение к иконам и на стенах армянских церквей, притом не только халкедонитского толка, беспрепятственно появлялись не только рельефы, но и фрески и мозаики с библейскими и другими христианскими сюжетами.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԽՃԱՆԿԱՐՆԵՐԸ IV—VII ԴԴ.

Ք. Ն. ԱՌԱՔԵԼՅԱՆ

ՀՍՍՀ ԳԱ քզրակից-անդամ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Խճանկարչական արվեստը հայտնի է հղել հին Հայաստանում, և այդ ավանգույթը շարունակվել է նաև վաղ ֆեոդալական դարաշրջանում՝ IV—VII դդ.։ Բուն Հայաստանում IV—VII դդ. խճանկարը օգտագործվել է եկեղեցիների ներքին գեղարվեստական հարդարման համար. խճանկարների հետքեր հայտնի են Էջմիածնի, Դվինի եկեղեցիներից և Զվարթնոցի տաճարից։ Դվինում պահպանվել է հին բազիլիկ եկեղեցու հատակի IV—V դդ. խճանկարի մի մասը, իսկ մյուս տեղերում գտնվել են միայն քարից և ապակու զանգվածից պատրաստված գույնզգույն և ոսկեղօծ հատիկներ։

Հայկական խճանկարներ հայտնաբերվել են նաև Երուսաղեմում, որտեղ V—VII դդ., գրավոր աղբյուրների տվյալներով, եղել են մի քանի տասնյակ հայկական եկեղեցիներ և վանքեր։ Յոթ խճանկար՝ մեծ մասամբ հայերեն արձանագրություններով, հայտնաբերվել է 1870—1890-ական թվականներին՝ Երուսաղեմի Զիթենյաց լեռան ստորոտում՝ ոռոսական աան (ПРИКОТ) շինարարության ժամանակ։ Դրանցից առավել նշանավորը Արտավանի մայր Շուշանիկի ստորգետնյա ընդարձակ դամբարանի վրա կառուցված շենքի հատակի խճանկարն է։

Խճանկարների այս խումբը, որի մեջ մտնում են հայերեն արձանագրություն կրող մի քանի փոքր խճանկարներ ևս, իրենց ոճով և գեղարվեստական առանձնատեսություններով VI դ. գործեր են։ Մեկ այլ գունագեղ խճանկար էլ գտնվել է 1894 թ., Երուսաղեմի Դամասկոսյան կոչված դռների մոտ։ Այն շատ լավ է պահպանված։

Երուսաղեմի հայկական խճանկարներն արտացոլում են բյուզանդական խճանկարչության մեջ հայտնի երկու հիմնական ուղղությունները՝ պալատական գեղանկարչական ուղղությունը, որը զարգացել էր մանավանդ կայսրության մայրաքաղաքում, և արևելյան գծանկարչական ուղղությունը, որը զարգացել էր Ասորիք-պաղեստինյան տարածքում և հարևան երկրներում։ Այս երկրորդ ոճի խճանկարները լայն տարածում ստացան, անցնելով նաև Բյուզանդական կայսրության արևմտյան նահանգները։ Նրանց մշակման և զարգացման մեջ վճռական դեր են կատարել Ասորիքի, Պաղեստինի և Փոքր Ասիայի ընկերները, բայց մասնակցություն ցուցաբերել են նաև այլազգի, որոնց թվում և հայ վարպետները։